

Игорь Левичев
Рукописные пометы М. Цветаевой
на книге М. Папер «Парус»
из собрания дома-музея М. А. Волошина
К 120-летию М. И. Цветаевой

Как известно, первая публикация эссе-эпитафии Марины Цветаевой «Живое о живом», в котором имеется юмористический эпизод, связанный с поэтессой Марией Папер¹, и где упоминается В. Ходасевич, состоялась в 53 номере журнала «Современные записки» в 1933 году.

Работая над эссе, Цветаева писала В. Ходасевичу 12 июля 1933 года, в связи с М. Папер:

«Милый Владислав Фелицианович,
— Не удивляйтесь —

Только что получила от Руднева² письмо с<о> следующей опаской: — в моей вещи о Максе Волошине я даю его рассказ о поэтессе Марии Паппер (так у Цветаевой — *И. Л.*) и, между прочим, о ее Вас посещении. Всего несколько строк: как поэтесса всё читает, а Вы всё слушаете. Вы даны очень милым и живым, всё сочувствие на Вашей стороне (верьте моему такту и *esprit de corps*: я настоящих поэтов никогда не выдаю, и, если ругаю — бывает! — то знаю, кому: никогда не низшим). Словом, десятистрочная сценка, кончающаяся Вашим скачком: «простите, мне надо идти, ко мне сейчас придет приятель, и меня ждет издатель...» А через неделю — сидит поэт, пишет стихи — нечаянный взгляд в окно: а в окне — за ок-

© Igor Levichev, 2012

© TSQ 42, Fall 2012 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Папер М. Я., поэтесса, дочь журналиста Я. Л. Папера (1842–1914), пользовалась у современников репутацией анекдотичной графоманки.

² Руднев В. В. (1879–1940), редактор журнала «Современные записки».

ном — огромные мужские калоши, из калош шейка, на шейке головка... И тут обрывается...

Пишу Вам для окончательной очистки совести. Вы, конечно, можете мне ответить, что никакой Марии Паппер не помните, но она наверное у Вас была, ибо она — собирательное.

До свидания, ОЧЕНЬ прошу Вас отозваться сразу, ибо должна вернуть корректуру.

Всего доброго

М. Цветаева.

«Я великого, неожиданного,

Невозможного прошу.

И одной струей желанного

Вечный мрамор орошу».

(Мария Паппер. — Парус. — 1911 г.)

— вот, чем она Вас зачитывала»³

В тексте «Живое о живом» Цветаева так изложила историю с Марией Папер: «А вот, — писала Цветаева, — еще рассказ о поэтессе Марии Паппер.

— М<арина>И<вановна>, к Вам еще не приходила Мария Паппер?

— Нет.

— Значит, придет. Она ко всем поэтам ходит: и к <Владиславу>Ходасевичу, и к Борису Николаевичу <Бугаеву> (А. Белому — *И. Л.*), и к <Валерию> Брюсову.

— А кто это?

— Одна поэтесса. Самое отличительное: огромные, во всякое время года, калоши. Обыкновенные мужские калоши, а из калош на тоненькой шейке, как на спичке, огромные темные глаза, на ниточках как у лягушки. Она всегда приходит с черного хода, еще до свету, и прямо на кухню. «Что вам угодно, барышня?» — «Я к барину». — «Барин еще спят». — «А я подожду». Семь часов, восемь часов, девять часов. Поэты, как вы знаете, встают поздно. Иногда кухарка, сжалившись: «Может,

³ Цит. по Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 7. — М.: Эллис Лак, 1995. С. 463.

разбудить барина? Если дело ваше уж очень спешное, а то наш барин иногда только к часу выходят. А то и вовсе не встают». — «Нет, зачем, мне и так хорошо». Наконец кухарка, не вытерпев, докладывает: «К вам барышни одни, гимназистки или курсистки, с седьмого часа у меня на кухне сидят, ждут». — «Так чего ж ты, дура, в гостиную не проведает?» — «Я было хотела, а оне: мне, мол, и здесь хорошо. Я их и чаем напоила — и сама пила, и им налила, обиды не было».

Наконец встречаются: «барин» и «барышня». Глядят: Ходасевич на Марию Паппер, Мария Паппер на Ходасевича: «С кем имею честь?» Мышиный голос, как-то всё на и: «А я — Мария Па-ап-пер». — «Чем могу служить?» — «А я стихи-и пи-ишу...»

И, неизвестно откуда, огромный портфель, департаментский. Ходасевич садится к столу, Мария Паппер на диван. Десять часов, одиннадцать часов, двенадцать часов. Мария Паппер читает. Ходасевич слушает. Слушает — как зачарованный! Но где-то внутри — пищевода или души, во всяком случае, в месте, для чесания недосыгаемом, зуд. Зуд всё растет, Мария Паппер всё читает. Вдруг, нервный зевок, из последних сил прыжок, хватаясь за часы: «Вы меня — извините — я очень занят — меня сейчас ждет издатель — а я — я сейчас жду приятеля». — «Так я пойду-у, я еще при-иду-у».

Освобожденный, внезапно поласковевший Ходасевич:

— У вас, конечно, есть данные, но надо больше работать над стихом...

— Я и так все время пи-ишу...

— Надо писать не все время, а надо писать иначе...

— А я могу и иначе... У меня есть...

Ходасевич, понимая, что ему грозит:

— Но конечно вы еще молоды и успеете... Нет, нет, вы не туда, позвольте я провожу вас с парадного...

Входная дверь защелкнута, хозяин блаженно выхрустывает суставы рук и ног, и вдруг — бурей — пронося над головой обутые руки — из кухни в переднюю — кухарка:

— Ба-арышни! Ба-арышни! Ай, беда-то какая! Калошки забыли!

..Вы знаете, М<арина> И<вановна>, не всегда так хорошо кончается, иногда ей эти калоши летят во след...

Книжку ее мне Макс принес. Называлась «Парус»⁴.

Участник этих событий Владислав Ходасевич в своем фельетоне «Неудачники», опубликованном в газете «Возрождение», вспоминал: «У очень плохих стихов есть странное свойство: то и дело случается, что их самые патетические пассажи, помимо авторской воли, приобретают забавный и чаще всего не совсем пристойный смысл. Так было и со стихами Папер. Вся поэтическая Москва знала наизусть ее четверостишие, приводимое и Мариной Цветаевой:

Я великого, неожиданного,
Невозможного прошу,
И одной струей желанного
Вечный мрамор орошу.

Люди мягкотелые или лживые ее обнадеживали. Другие советовали бросить. Она с одинаковым безразличием пропускала мимо ушей и то и другое — и писала, писала, писала. Но она была вовсе не графоманка. Она была непрестанно буруеваема самыми поэтическими чувствами, и стихи ей звучали откуда-то, словно голоса ангелов, — вся беда в том, что это были какие-то очень глупые ангелы или насмешники.

Долгое время ей ничего не удавалось напечатать. Наконец журналист Шебуев, сотрудник «Раннего Утра», толстощекий субъект, ходивший в огромных роговых очках, в рединготе брусничного цвета и в брусничного цвета цилиндре, нашел способ зарабатывать деньги на бездарностях. Он стал издавать журнальчик «Весна», в котором злосчастные авторы сами оплачивали столбцы, занятые их писаниями. Журнальчика никто не покупал, но Шебуев имел от него недурной доход. Напечаталась в «Весне» и Мария Папер.

⁴ Цит. по Цветаева М. Живое о живом // Волошин М. «Жизнь — бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Воспоминания современников. Посвящения / Сост., подгот. текстов, вст. статья, комм. В. П. Купченко. — М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 426—428.

Впоследствии мне рассказывали, что, влюбившись в филолога и поэта В. О. Нилендера⁵, году в 1912-м, приезжала она к нему под Тарусу, в деревню, где он давал уроки. Мужик привез ее на телеге, протряся верст пятнадцать со станции в знойный июльский день. Она пропищала десятка три стихотворений, отказалась от пищи и питья и взгромоздилась опять на телегу. Оставшиеся долго смотрели ей вслед, как она подсакивала на выбоинах, распустив черный зонтик и вытянув ноги в ослепительно сверкавших калошах. С тех пор след ее затерялся»⁶.

В мемориальной библиотеке Дома-музея М. Волошина в Коктебеле сохранился этот редчайший экземпляр книги стихов поэтессы Марии Папер «Парус»⁷, упоминаемый Цветаевой в «Живое о живом». Он был издан в марте 1910 года тиражом в 300 экземпляров, и, что самое ценное, с пометами и комментариями, в которых нетрудно узнать почерк Марины Цветаевой.

В связи с тем, что 5 февраля 1911 года вышла из печати ироническая рецензия М. Волошина на этот сборник стихов М. Папер⁸, можно предположить, что он был подарен Волошину в Москве самой Папер в январе 1911 года.

На факт существования в мемориальной библиотеке М. Волошина книги Папер с пометами Цветаевой и Волошина впервые было указано В. П. Купченко⁹, однако публикация самих инскриптов им осуществлена не была.

В книге Папер имеется пять страниц, включая титульный лист, на которых находятся рукописные пометы и коммента-

⁵ Нилендер В. О. (1883—1965), переводчик, поэт

⁶ Фельетон «Неудачники» был впервые опубликован В. Ходасевичем в газете «Возрождение» 10 января 1935 года

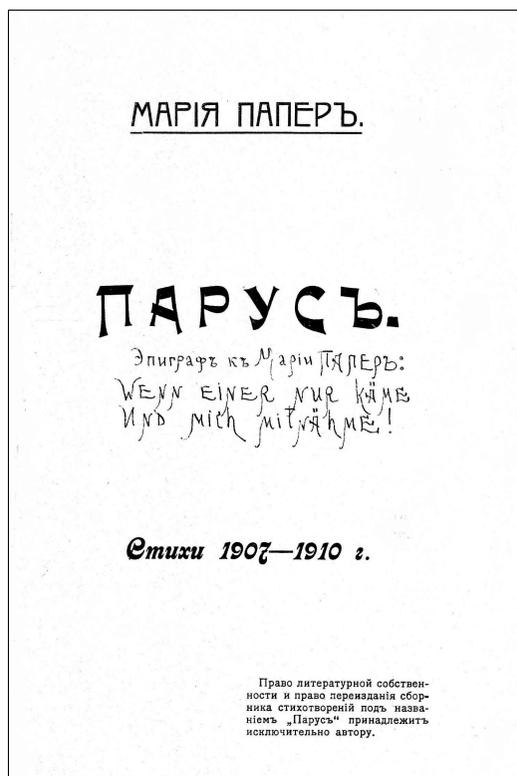
⁷ Мемориальная библиотека М. А. Волошина, МБ-108

⁸ «О модных позах и трафаретах». Стихи г. Игоря Северянина и г-жи Марии Папер. — Утро России, 1911, 5 февраля, № 28, с. 2.

⁹ См. прим. 48 в издании Волошин М. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Воспоминания современников. Посвящения / Сост., подгот. текстов, вст. статья, комм. В. П. Купченко. — М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 561.

рии, написанные черными чернилами прописью и печатными буквами, а также прописью черным карандашом.

На титульном листе печатными буквами и черными чернилами выполнена надпись: «Эпиграф к Марии Папер: Wenn einer nur käme Und mich mitnähme!¹⁰».

Несмотря на то, что этот «эпиграф» написан печатными буквами, и выполнить его атрибутацию достаточно сложно, есть все основания полагать, что этот шуточный рукописный «эпиграф» принадлежит М. Волошину.

Далее, на странице 60-й, где напечатано стихотворение Папер «Леснушка», в последнем абзаце:

Она смела, но боязлива,
Она страстна, но холодна.

¹⁰ «Лишь бы один пришел и забрал меня (с собой)» (пер. с нем.)

Она жива, но молчалива.

Она одна... Всегда одна...

— после последнего предложения: «Всегда одна...», рукою Марины Цветаевой черными чернилами сделана приписка, через запятую, «а имя ея Мария Паппер».

Л Ъ С Н У Ш К А .

Ея глаза—глаза японки,
Горять таинственнымъ огнемъ,
Ея черты невинно—тонки,
Безумны ночью, скромны днемъ.

Ея душа весь день тоскуетъ,
Всегда съ людьми разлучена...
А ночи празднуетъ, ликуетъ,
Луною тайнъ озарена.

Она смѣла, но боязлива.
Она страстна, но холодна.
Она жива, но молчалива.
Она одна... всегда одна...

а имя ея — Мария Паппер.

На странице 27-ой, в конце второго абзаца стихотворения «Бал жрецов искусства», посвященного Паппер поэту Бальмонту:

Губы сверкают тайной влюбленной...
Страстно-истомны пятна румян...
Юноша гибкий — Фавн полоненный,
Нежный поэт упоительно пьян...

— имеется приписка Цветаевой¹¹ черным графитным карандашом: «Бедный Бальмонт!»

¹¹ Факт принадлежности инскрипта М. Цветаевой подтвержден Е. Б. Коркиной (Дом-музей М. Цветаевой, Москва).

БАЛЪ ЖРЕЦОВЪ ИСКУССТВА.

(К. Д. Вальмонту).

Искрится влага въ прозрачныхъ бокалахъ,
Очи у юношей страстью горять...
Всѣ въ кисеяхъ, въ одѣянiяхъ алыхъ
Жрицы-Сильфиды воздушно скользятъ...

Губы сверкаютъ тайной влюбленной...
Страстно-истомны пятна румянъ...
Юноша гибкій—Фавнъ полоненный,
Нѣжный поэтъ упоительно пьянъ... *Вальмонтъ Г. Сильфиды*

Дѣву-Сильфиду въ сладостномъ танцѣ
Чуть схватилъ вдохновенной рукой...
Кружить и носить въ яркомъ багрянцѣ...
Вина играютъ и лютуютъ рѣкой...

На странице 64-ой, к первой строчке стихотворения «Кого люблю, за тем бежать готова...» имеется приписка печатными буквами и черными чернилами: «галопом», а в начале третьего абзаца:

Пускай меня на третий день он бросит
В стране чужой перед лицом судьбы...

— после фразы «на третий день», между словами «на третий» и «день», вверху имеется рукописная вставка также печатными буквами: «уж в первый».

* * *

Кого люблю, за тѣмъ бѣжать готова *галопомъ*
Въ огонь и въ воду и въ дремучій лѣсъ...
Со всѣмъ порву и заживу я снова—
Увижу даль и синеву небесь...

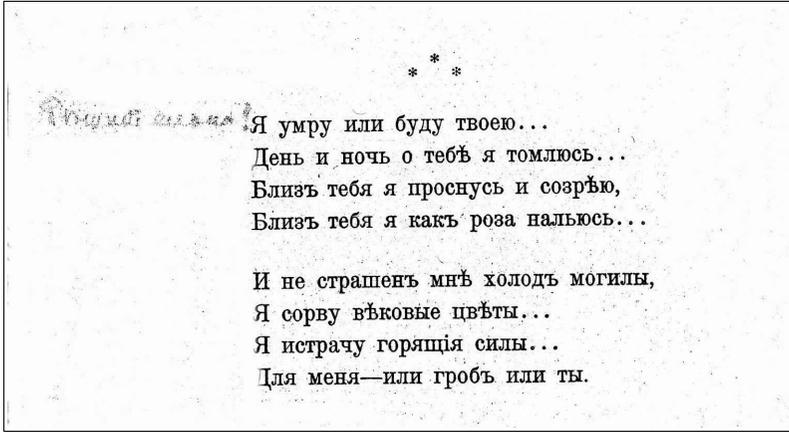
Вашъ смрадннй мiръ мою измучилъ душу,
Завѣтныхъ силъ источникъ изсушилъ...
Терпѣла я... теперь я все нарушу...
Терпѣла я... терпѣть не стало силъ...

Пускай меня на ^{*уж в первый*} третiй день онъ броситъ
Въ странѣ чужой передъ лицомъ судьбы...
Моя душа хоть на мгновенье проситъ
Увидѣть мiръ, гдѣ люди—не рабы...

Февр. 1910 г.

Рукописные пометы на стр. 64 печатными буквами однозначно атрибутировать сложно, но можно предположить, что они выполнены М. Волошиным.

А на странице 47, к первой строчке стихотворения «Я умру или буду твоею...» имеется рукописная приписка Марины Цветаевой¹² черным карандашом: «Решительно!»

Таким образом, рукописные пометы М. Цветаевой в книге стихов Марии Папер «Парус», не только документально подтверждают факт знакомства Цветаевой со стихами Папер в библиотеке Волошина, о чем она поведала в эссе «Живое о живом», но и показывают, что Цветаева неоднократно возвращалась к стихам Папер, о чем свидетельствуют ее рукописные пометы, оставленные разными средствами (чернилами и карандашом).

¹² Факт принадлежности инскрипта М. Цветаевой подтвержден Е. Б. Коркиной (Дом-музей М. Цветаевой, Москва).